

Шкловский мог бы выбрать эмиграцию и свободу, как его друг Роман Якобсон.
Но он выбрал родину и несвободу.

И поэтому приходилось идти на компромиссы с собственной совестью — и время от времени уступать «автобусу».

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Анатолий Вершинский. Апостолы Победы. СПб.: Алетейя, 2024. — 104 с.: ил.

Анатолий Вершинский (1953 г. р.) — поэт, переводчик, историк, автор шести поэтических сборников, книг «Русская Александрия. Средневековая Русь и Александр Невский» и «Всеволод из рода Мономаха. Византийские уроки Владимирской Руси». Для его поэтического творчества характерно жанрово-стилевое многообразие: стремительные экскурсы в историю, бытовые сценки и философские притчи, любовная лирика и стихотворная публицистика — от лирической миниатюры до эпического повествования. В сборнике «Апостолы Победы» представлена в первую очередь лирика гражданская. Книга построена как хроника событий на землях Украины, а вернее, исторической Южной Руси — Донбасса и Новороссии — начиная с 2014 года до дня нынешнего. Эта современная хроника у историка Вершинского является частью единого временно-пространственного бытия. В 2014 году органично его обращение к равноапостольной княгине Ольге, апостолу Андрею и свв. Кириллу и Мефодию (памятник которым находится на Михайловской площади в Киеве) с просьбой молить Бога о нас, что «сцепились у края пропасти — / не выпасть из мертвой сцепки: / даже перекреститься не сможем в последний час». В этом же году он призывает «вежливых командиров» — дунайского героя Дерибаса, архитектора Одессы Ф. Деволана, Г. Потемкина и П. Зубова — встать на защиту памятника Екатерине II в Одессе. И предупреждает «хлопцев», вошедших во властные коридоры: «...уж не будите лихо, одумайтесь, пока

не упущен шанс». А. Вершинский погружается в глубокую древность, давая стихотворный перевод клятвы гражданина Херсонеса, запечатленной на древнегреческой мемориальной стеле, переосмысливает ее в приложении к сегодняшним реалиям: «В русских водах не омыть сапог / войску, верному чужому стягу. / Выучили русы на зубок / двухтысячелетнюю присягу». Он обосновывает историческое право русских на свои исторические земли: «Здесь начат — с корсунской купели — / крещальный путь родной земли.../ Мы лишь свое себе вернули. / И вновь терять не дураки» («Крымское право»). Он проводит параллели между тем, что, согласно преданию, сохраненному иноками Киево-Печерской и Почаевской лавры, случилось близ села Демидово под Киевом в 1926 году — явлением Спасителя двум мальчикам — и днем сегодняшним: между церковным нестроением столетней давности и нынешним расколом Украины. В своих стихах поэт обращается к Одессе, преданной позабывшими срам и славу дедов упырями, и к многоярусному городу Севастополю, в котором никогда не умирала память об уснувших смертным сном воинах.

Его стихи 2023 года горько актуальны:

«...лети, лети лепесток,
Через запад, на восток...»
...На восток летят лепестки:
в города Донбасса летят.
Усыпают и сад, и луг:
В руки взял — остался без рук.
Наступил — и нету ступни.
Углядев — назад отступи.

«Зло»

*****

От Киплинга идет поверье это,
что хищники в засушливое лето
не трогают, придя на водопой,
того, кто век питается травой.
...А вот сюжет иной: у водовозки
столпились люди — женщины, подростки;
безоблачен над ними небосклон,
лишь вьется будто черный ворон, дрон.
....злодей, который хищника лютей:
он женщин убивает и детей.

«Водяное перемирие»

А. Вершинский, сын и внук ветеранов Великой Отечественной войны, рассматривает борьбу с нынешними неонацистами, с их покровителями и пособниками как продолжение героических сражений прошлого за свободу, целостность и независимость Родины.

С этим стягом брали города
ратоборцы Вещего Олега.
Этот стяг запомнила Орда с
Первого отбитого набега.

Это знамя русский и грузин
Водрузили в мае над рейхстагом...
и весной на битву за Донбасс
Русский мир восстал под стягом этим.

«Алый стяг»

Как историк он призывает населяющие Россию народы оборотиться к преданиям пращуров и родовой памяти, к общим духовным истокам.

Европа лезет вон из кожи,
стремясь разъять наш общий стан,
но барсы гербовые схожи
у осетин и псковитян.
И у татар и у хакасов,
на геральдических щитах
мы видим барсов — тех окрасов,
какие помнят в их местах.
У нас — при всех чертах несходных,
стирать которые нельзя, —
у всех народов, братьев сводных,
одна судьба, одна стезя.

«Путь барса»

Стихотворения Вершинского пронизаны православной символикой. Закономерно, что на лицевой обложке российские воины, сражающиеся сегодня в Донбассе и Новороссии, изображены на фоне образа Спасителя, воспроизведенного с иконы «Спас Вседержитель с мечом, усекающим грехи» — современного списка с древней фрески XIV века из сербского монастыря в Косове. Стихотворению «Ратники», открывающему сборник, предпослан эпитафия из Евангелия от Матфея: «...не мир пришел Я принести, но меч...». И ратники, идущие на битву с долин и круч родной державы, из тундры, степи и тайги, по мысли автора, не кто иной, как апостолы Победы. «Они по званию — солдаты. / По духу — витязи они». Столкновение противоборствующих сторон Вершинский возводит на метафизическую высоту.

И наш противник — сатана
В прямом, буквальном смысле...
Но как спастись от сатаны?
Соборною молитвой.
Молитесь, братья и сыны,
Молитесь перед битвой.

«Враг»

Стихи, составившие этот сборник, несомненно публицистичны, и в то же время они очень личные, пропущенные через сердце поэта. Быть может, и потому, что он, уроженец Красноярья, вырос в сибирском селе Семеновка, где жили и русские, и татары, и ссыльные латыши, и более всего — украинцы, и одна из улиц родного села называлась Киевская. Тем больнее, ожогом на сердце, стала судьба другой Семеновки, донецкой, сгоревшей в ракетном урагане. Очень личное — это и нежность к юным бой-

цам, пополняющим Бессмертный полк, и жалость к одуроченным громадянам, и вера, что в любых испытаниях силу народ обретал и будет обретать в отчей истории, в отчих традициях, в молитве, в родном языке.

Если бы не было ратных побед,
кем бы себя ощущали сегодня
Пастырь духовный и светский поэт?
Как бы звучала сегодня молитва Господня?
...Равный с поэта и воина спрос:
В общем строю, что по-прежнему тесен, —
Русич Бояна, державинский росс,
Русский солдат из фатьяновских песен.
В слитной шеренге упасть не дадут,
С шага не сбиться помогут в колонне.
Отчая речь — и таран, и редут;
Знамя — в атаке, броня — в обороне.
Приняли б, верно, другой оборот
Битвы: на Воже, в Москве и под Плевной,
если бы силу не черпал народ
В грозной молитве и песне душевной.

«Сподвижники»

Юрий Дрюков. Записки о Времени, названом «Оттепель».

«Мастер и Маргарита». Б. м. Издательские решения, 2023. — 44 с.

Документальная повесть о том, как роман, который просто не мог быть напечатан в конце 60-х годов прошлого века, самым невероятным образом пришел к читателям. «Чудо! Это просто чудо!!! Это все шутки Воланда!» Так ли? Юрий Дрюков приводит цитаты из дневников М. и Е. Булгаковых, из воспоминаний, из ядовитых, похожих на доносы критических статей, обличительные справки из советских энциклопедий. Октябрь 1926 года. МХТ ставит «Дни Турбиных», а театр Вахтангова — «Зойкину квартиру». Готовятся к постановке «Бег» и «Багровый остров». Кажется, грандиозный успех... А в Большой Советской Энциклопедии (1927) пишут: «В „Белой гвардии“ и „Днях Турбиных“, изображая белогвардейщину на Украине Булгаков пытается свалить „вину белогвардейства“ на генералитет и др. руководителей движения, изображая рядовых белогвардейцев доблестными и политически честными... В большинстве последних произведений Булгаков использует теневые стороны советской действительности в целях ее дискредитирования и осмеяния». «Дни Турбиных», «Бег» и «Багровый остров» вызвали яростный вой злопыхателей, которые будто соревновались друг перед другом, печатая разгромные статьи типа: «Ударим по булгаковщине»; «Положить конец „Дням Турбиных“»; «Постановка пьесы „Бег“ — это попытка протащить белогвардейскую апологию в советский театр, на советскую сцену, показать написанную посредственным богомазом икону белогвардейских великомучеников советскому зрителю». И все же, несмотря на все попытки запретить якобы по требованию «советской общественности» пьесу «Дни Турбиных», она продолжала идти с неизменным успехом. «Вишенкой на торте» стали некоторые эпизоды, связанные с проведением в Москве «Недели украинской литературы» (1929). В «Правде» публикуется статья «К приезду украинских писателей», в которой особенно подчеркивается, что «кое-кто еще не освободился от великодержавного шовинизма и свысока смотрит на культу-

ру Украины, Белоруссии, Грузии и пр. <...> Наш крупнейший театр (МХАТ I) продолжает ставить пьесу, извращающую украинское революционное движение и оскорбляющую украинцев». Приехавшие в Москву гости настаивают на встрече со Сталиным, и украинским товарищам удалось добиться, чтобы «Дни Турбиных» сняли с репертуара. Булгаков оказался без работы. Его не берут никуда... За сухими фактами в книге Ю. Дрюкова звучат живые голоса прошедшей эпохи. Резкая, безжалостная критика творчества Булгакова в советской прессе 1930-х годов. Полные отчаяния письма Булгакова Правительству СССР с просьбой определить его судьбу — либо дать право эмигрировать, либо предоставить возможность работать во МХАТе. Аналогичное письмо Сталину и совет вождя, данный в телефонном разговоре, состоявшемся по инициативе Сталина: «— Вы где хотите работать? В Художественном театре? — Да, я хотел бы... — А Вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся...» И с 1930-го по 1936 год Булгаков работал во МХАТе режиссером-ассистентом. Благодаря Сталину в десятидневный срок был восстановлен спектакль «Дни Турбиных». На премьере пьесы А. Афиногенова «Страх» Сталин спросит: «А почему у вас не идут „Дни Турбиных“?» — «Да запретили... И даже декорации уничтожили...» — «Вздор, — возразит он, — хорошая пьеса, ее нужно ставить, ставьте». В многоголосном хоре из прошлого солирует последняя жена писателя Елена Сергеевна Булгакова. В 1932 году она оставит своего мужа, крупного военного деятеля Е. Шиловского и внешне такую беспечную, счастливую, обеспеченную жизнь с ним и переедет с младшим шестилетним сыном Сергеем к Булгакову, «на бедность, на риск, на неизвестность». Ее дневниковые записи составляют значительную часть повествования. Она будет рядом с ним все последние восемь лет его жизни, и это ей, преодолевая пелену боли и бреда, в преддверии скорой смерти он будет диктовать исправленные страницы своего романа. «Он умирал, впадал в беспамятство, снова приходил в себя и в минуту просветления сказал, что все, что он написал, было сделано ради нее: — Я жалею только о том, что мои книги никто не прочтет. — И она ответила: — Я обещаю тебе, что твои произведения будут напечатаны... Она поклялась в этом, хотя Булгаков уже более 10 лет не мог напечатать ни строчки, а почти все его пьесы оказались под запретом». Он умер 10 марта 1940 года. Уже 21 марта 1940 года правление Союза писателей СССР утвердит комиссию по литературному наследию Булгакова. На первом заседании обсудят издание сборника пьес, но начавшаяся война не даст осуществиться этим планам. Единственно, что комиссии удалось, — сохранить за семьей Михаила Афанасьевича его квартиру... «Мастера и Маргариту» Булгаков писал 12 лет. Он не успел закончить авторскую корректуру шестой редакции романа, поэтому его окончательный вариант сделала уже Елена Сергеевна. Она свела в единое целое рукопись с замечаниями и заметками Булгакова и дополнения к ней, надиктованные уже больным писателем. К середине декабря она напечатает на машинке несколько экземпляров романа, один из которых передаст другу Булгакова П. Попову. Вскоре получит от него письмо: «Я все под впечатлением романа... За всем следишь, как за подлинной реальностью, хотя основные элементы — фантастичны... Вторая часть для меня — откровение... Ведь Маргарита Николаевна — это Вы, и самого себя Миша ввел... Но вот, если хотите, — грустная сторона. Конечно, о печатании не может быть и речи. Идеология романа — жуткая, и ее не скроешь... В этом отношении чем меньше будут знать о романе, тем лучше. Гениальное мастерство всегда останется гениальным мастерством, но сейчас роман неприемлем. Должно будет пройти лет 50–100...» Елена Булгакова выполнила обещание, данное умирающему мужу. В конце 1966 года в журнале «Москва» (1966, № 11, 12; 1967, № 1) роман хоть и с купюрами, но был опубликован. Ей помогли К. Симонов, В. Катаев, А. Твардовский... Обо всех перипетиях, связанных с долгой дорогой романа к читателю, о непре-

одолимых трудностях, которые преодолела Елена Булгакова, рассказывает, приводя малоизвестные факты, подробности, детали Ю. Дрюков. Он уверен, что если в России существует «пушкинский мир», «гоголевский мир», «чеховский мир», то благодаря Елене Сергеевне стало очевидным появление особого «булгаковского мира». В 1968 году режиссеры А. Алов и В. Наумов начинают съемки фильма «Бег», литературным консультантом была Е. Булгакова. Ей удалось просмотреть сделанный материал, но премьеру она уже не увидела. «Она несла желтые цветы... Меня поразила не столько ее красота, сколько необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах! Повинуясь этому желтому знаку, я тоже свернул в переулок и пошел по ее следам...» Мастер и его Маргарита.

Надежда Перова. Елена Осиповна Лихачева и ее время. Из истории женского образования в Санкт-Петербурге. СПб.: Петрополис, 2023. — 182 с.

Елена Осиповна Лихачева (1836–1904) происходила из шляхетского рода баронов Косинских. Как и положено в аристократической семье, сестер Косинских отдали в Смольный институт. Елена, зачисленная в Смольный в 1842 году, окончила его с серебряной медалью в 1851 году. Знаний, полученных в институте, ей было недостаточно, и она всю свою жизнь занималась самообразованием. В 1859 году вышла замуж. Брак оказался удачным: муж, В. И. Лихачев (1837–1906), юрист и общественный деятель, поддерживал желание жены работать. И случай представился: в 1860-х годах Лихачевы сблизились с супругами Сувориными (в 1876-м Суворин станет владельцем газеты «Новое время») и даже стали жить в одном доме (8-я линия Васильевского острова, 25). В этом же доме поместили типографию, где Е. Лихачева и А. Суворина печатали свои переводные издания. Обе дамы знали несколько языков. Начали с выпуска двух книг для детей: Ж. Массе «Слуги желудка» и Ж. Верна «Путешествие к центру земли». Вторая насторожила вятского губернатора из-за приложения «Происхождение и развитие земного шара», противоречащего учению Божьему. Изданный подругами сборник «Для чтения» был запрещен для распространения во всех учебных заведениях из-за тенденциозного подбора и как следствие противопоставления высших и низших сословий, богатых и бедных классов, пропаганды демократических идей. Книги двух дам и далее подвергались критике властей как «пропагандирующие революционные идеи и приемы». В 1873 году А. Суворина погибла, союз писательниц распался. Но бурная деятельность Е. Лихачевой продолжилась. Известность ей принесли работы по женскому вопросу. Интерес ее к этой теме закономерен: годы юности Е. Косинской выпали на 50-е годы, предреформенное время, когда «женский вопрос» по своей остроте не уступал «крестьянскому вопросу». Ее статьи по женскому вопросу регулярно печатались в «Отечественных записках». Дом на углу Литейного проспекта и Бассейной улицы, где на одной площадке находились редакции «Современника» и «Отечественных записок», для Е. Лихачевой, тесно связанной с литературно-журналистским миром, был местом встреч с коллегами и друзьями. А так как в 1859–1891 годах борьба за женскую эмансипацию воспринималась как важная часть общего освободительного движения, то у Е. Лихачевой было немало единомышленников, друзей, уделявших большое внимание «женскому вопросу». Среди них Н. Шелгунов, М. Михайлов, Н. Добролюбов, Н. Чернышевский... В апреле 1884 года журнал «Отечественные записки» был закрыт за то, что «не только открывает свои страницы распространению вредных идей, но и имеет ближайшими своими сотрудниками лиц, принадлежащих к составу тайных обществ». Е. Лихачева не только теоретизировала, но и личным примером на практике доказывала возможность участия

женщин в жизни общества. Так, в 1875—1877 годах она ездила в Сербию, работала в госпиталях, организовывала помощь тяжело пострадавшему населению, а в своих корреспонденциях ярко и правдиво рисовала ужасы войны. Она никогда не теряла связь с женским движением: 11 лет была библиотекарем на Высших женских Бестужевских курсах, в 1887 году возглавила комитет «Общества по доставлению средств при Высших женских курсах». На Бестужевских женских курсах Е. Лихачева проработала 24 года, сотрудничая с передовыми женщинами Санкт-Петербурга: Н. Стасовой, А. Философовой, В. Тарновской, О. Нечаевой. Надежда Перова, автор серии книг и очерков по истории женского движения и образования в Санкт-Петербурге, подробно излагает историю Смольного института благородных девиц. Пишет об образовательной политике Екатерины II и ее сподвижниках, занимавшихся Смольным, об организации учебного процесса в институте, о быте его воспитанниц. Н. Перова большое внимание уделяет возникновению и развитию «женского вопроса» в России. Отсчет о возникновении в русском обществе вопроса об образовании и социальной роли женщины в семье и обществе следует начать, считает она, с 1086 года, когда в киевском Андреевском монастыре сестра Владимира Мономаха, княжна Анна, открыла женское училище, которым и руководила 26 лет. Это было первое женское училище не только в древнерусском государстве, но и во всей Европе. Развитие темы женской эмансипации и образования получило в XIX веке, именно на этом периоде сосредотачивается Н. Перова и в значительной степени на истории создания и функционировании женских курсов, известных как впоследствии Бестужевские курсы, названные так в честь К. Бестужева-Рюмина, первого директора курсов. Н. Перова воссоздает культурно-исторический контекст эпохи, в которую жила и работала героиня ее книги. Она использует документы, исторические очерки и воспоминания современников Е. Лихачевой, выдержки из ее статей. Пятнадцать лет своей жизни Елена Осиповна отдала изучению истории женского образования. Результатом стала монография «Материалы для истории женского образования в России» в четырех томах (СПб., 1890—1895), а она сама — одной из первых женщин-историков. Ее труд охватывает период с 1086-го по 1880 год и выходит далеко за рамки истории образования, включает в себя исследование начала женского движения в России, биографии сторонников эмансипации женщин. Е. Лихачева охватила в своем исследовании и достижения европейских ученых в теории воспитания и образования женщины, и труды русских мыслителей, создавших Домострой, государственных деятелей, издававших законодательные акты, историков Древней Руси, а также своих современников: ученых, историков, публицистов, писателей середины XIX века. Монография Лихачевой была удостоена почетного отзыва Императорской академии наук и не потеряла своего значения до сих пор. Вот выдержки из ее работы: «Целью воспитания и обучения должно быть образование характера в человеке, направление его к добродетели, к нравственности; нравственность при этом выше учености. <...> Задача обучения состоит не в сообщении ребенку известного количества знаний, а возбуждении в нем самостоятельности... Дисциплина при воспитании должна не подавлять и унижать личность ребенка, а, напротив, возбуждать и возвышать ее; дисциплинарными средствами должны быть похвала, особенно в присутствии других, и порицание наедине». Елена Осиповна Лихачева была похоронена на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. Надгробие не сохранилось.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит издательства
за предоставленные книги